

Гребенева Анастасия Андреевна
Номинация: «Триумф короткого сюжета»

Руины

Каждый раз, когда я вспоминаю об этом, что-то яркое, светлое жжёт в районе солнечного сплетения. Становится душно. Открыть бы окно и вдохнуть всей грудью тот самый воздух, ещё не отравленный азотными заводами, такой свежий, пахнувший сосной и Днепром.

Пахнувший детством.

Я закрываю глаза и оказываюсь в месте, которое оставил много лет тому назад. Тишина.

Мои ступни, обпаленные раскалённым от солнца песком, приятно холодит река, раскинувшаяся по всему правому берегу города. Ветер треплет поседевшие волосы, лохматит их и уносит все мысли далеко-далеко

— *Чишии... Йди за мною похапцем, тихіше, щоб рибу не збудити. Невже ми марно прокинулись на світанку?*

Дед медленно ступает по воде, подбираясь к «нашему местечку» — деревянному мостику для рыбалок, откуда, мне маленькому кажется, весь Днепр видно, как на ладони.

И всё моё, родное.

Насутивши брови, строго взглянув на скользких червяков в жестяной банке из-под консервов, которую мы с ним когда-то «отвоевали» у бабули, сказав, что в хозяйстве пригодится, оцениваю силы и начинаю разматывать удочку.

Минута, вторая, третья — оп! — закидываю! И знаете что? Поймал! Первый улов за сегодня! Да ещё и кого...! Не бычка, не карасика... Лучшие!

— *Егеее, так ти, друже, багато не впіймаєш.*

Бурчит мне в ответ что-то дед, поправляя свою седую бороду и аккуратно доставая из ладони крючок, на который я его случайно «подловил».

Дальше всё идёт по давно намеченному плану: он ловит обед, а я люблюсь широкой, великой рекой; стоит признаться, изредка подкидывая камушки, залиvisto хохоча, свесив при этом босые, все в садинах и ранах, мальчишка, как-никак, ноги в воду. Солнце печёт в мою русую макушку и вырисовывает на щеках веснушки.

А дома ждёт бабушка. С тёплым чаем и варениками с вишней. И мне кажется, что так будет всегда. Очень хочется так казаться.

Уголки губ непринуждённо тянутся вверх. Даже сейчас, спустя не один десяток своей жизни, я ощущаю этот ветер, летнюю прохладу и счастье. Самое

чистое, наивное, детское счастье. И мир переливается на солнце радугой, и птицы над головой расчерчивают небо.

Воспоминания, как кадры из киноленты, мелькают перед глазами. Картинки сменяются с небывалою силой. И я жмурюсь.

— Ніч яка місячна, зоряна, ясна. Видно, хоч голки збирай...

Юные голоса переплетаются в единую нить, смешиваются, становясь одним целым. Вечера у костра, у самого берега Днепра, с каждым годом всё чаще и дольше.

Мы сидим в кругу, обнявшись, подпевая, кто как умеет, а сердце стучит так гулко-гулко, что кажется, будто оно выпрыгнет и упадёт к босым ногам той самой, первой, невинной, искренней, чувства к которой и этот синий взгляд взяли меня в плен.

Страшно. У меня заходится дыхание каждый раз, когда мы размеренно идём по воде, лунный свет обнимает наши тела и влюбляет в эту ночь, в юность, пропахшую сиренью и кострами.

Я что-то шепчу на ухо, дыханием своим щекоча шею, миг покрывающуюся табуном муравьёв.

Она смеётся так искренне, что у меня, шестнадцатилетнего, кружится голова от счастья, земля уходит из-под ног. Ловлю каждый взгляд, каждое слово, каждое движение, каждую эмоцию; вбираю в себе, складываю воспоминания, как тексты песен, вчетверо и храню где-то в районе сердца.

— Я пригорну тебе до своего серденька, а воно палке, мов жар...

Где-то вдалеке слышатся голоса и я едва разбираю слова, полностью увлечённый девичьими рассказами, особенно — голосом.

И все танцуют, прыгают через костёр, веселятся, праздную Ивана Купала.

Этот образ первой любви я и сейчас бережно несу в сердце, внутри, храня на каких-то ощущениях и чувствах; он проникает в дом зимними вечерами, и никак не вынуть его из себя.

Морозный день кусает за щёки, мы щуримся от солнца, целенаправленно шагая к замёрзшему Днепру. Лезвия коньков в правой руке весело побрызгивают. Сокровенная тишина воскресного дня исчезает в многоголосье. Тепло. Необъяснимо тепло в минус тридцать. И хочется летать.

Ле — тать.

— Що буде з нами через десять років?

Резко спрашиваю я, распластавшись на кристально чистом льду, раскинувши раскрасневшиеся ладони по сторонам, смотря на звёздное небо.

Ребята смеются, называя меня чудаком.

— *Ти несеши такі нісенітниці, їй Богу,* — *отвечает кто-то из них, а я просто хочу, чтобы этот момент, этот вечер никогда не заканчивался.*

Мне хорошо.

Хо — ро — шо.

Вернёмся ли мы ещё сюда? Соберёмся ли такой компанией? Дождётся ли нас Днепр через пару лет? У союза «ли» слишком горький привкус, не находите?

Но больше всего я люблю его во время грозы. Когда он, такой строгий и старый, злится, выбрасывая на берег мелкую рыбёшку. Он становится тёмно-синего оттенка, настолько глубоко, что можно утонуть в бесконечности вод.

Я возвращаюсь сюда впервые после десятой годовщины победы и не узнаю ничего. Ни улиц. Ни домов. Ни людей. Ни его. Мой верный друг, слушатель душевных терзаний, исчез. И мне колется. Нестерпимо колется где-то в районе груди, чуть ниже солнечного сплетения, слева.

Жжёт под ложечкой. Марится. Бьёт озноб.

Вокруг тишина и только мысли лихорадочно, броуновским движением, передвигаются в голове, путаются, давят с силой на виски, мешают спать, мешают жить, мешают быть.

И становится млосно.

Знаете, это ощущение, когда и душно, и морозно? Когда часть тебя, словно вынули, вырезали и забыли зашить, оставив кровоточить рану, внутри которой зияющая пустота?

От местных жителей узнаю, как пару лет назад приняли решение откачать воду, сделать водохранилище, а на новом месте построить спальный микрорайон.

Не успел.

О — по — здал.

Я брожу между домов, аккуратно ступая по земле, которая под моими ногами смешивается с песком, оставшимся после пляжа, и внутри ощущение, что я иду по своей памяти. Пятками вбиваю счастье в почву, даже не надеясь, что прорастёт трава. Цветам не вырасти на выжженной земле.

Каждый шаг даётся всё труднее и труднее.

Здесь, на месте детской качели когда-то стоял наш мостик, пошатывающийся от сильного ветра, как веточки ивы, склонившееся над водой, здесь за поворотом росла верба, зимой мы катались с горы на мешках, бросались в друг друга снегом, а в апреле собирали «котики» и дарили мамам, и любили, и жили.

Теперь у меня осталось всего лишь пару фотокарточек товарищей, пожелтевших от времени, на обратной стороне которых неровно прыгали буквы в словах. Почти никого из них я больше не видел и даже не знал, живы ли.

Разъехались. Разлетелись, как птицы, забыв про гнездо.

В этом маленьком городе на правом берегу Днепра я был самым счастливым в мире. В этом маленьком городе, где до звёзд можно дотянуться рукой, я жил сердцем и душой. Он был в каждой клетке тела, проникал под кожу с майским дождём и январским снегопадом.

Я жил. Я был. Я был. Я был.

Забетованные улицы равнодушно молчат и всё, что мне остаётся, — шагать по руинам.

Руинам нашей памяти.